

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/55/2

Ю. В. Шатин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации

Рассматривается роль концепта *СИБИРЬ* и его функция в русском литературном тексте XIX в. Автор полагает, что в сознании современников Толстого пространство Сибири воспринималось как чуждое по отношению к Европейской части Империи, поэтому путешествие за Урал рассматривалось как определенный способ очищения и изменения важных параметров духовного существования, совпадающих по основным признакам с обрядом инициации. Такая мифопоэтика характерна и для романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Во время поездки главный герой проходит основные этапы инициации, совпадающие со схемой В. Я. Проппа – К. Леви-Стросса: отлучка, испытания, лиминация, преобразование. По мнению автора статьи, финал «Воскресения» обусловлен скорее общей логикой обряда инициации, а не чтением Евангельского текста.

Ключевые слова: Сибирь, путешествие, инициация, мифопоэтика.

В «Записках» Екатерины Романовны Дашковой есть любопытный эпизод. Во время своей ссылки в Коротово Новгородской губернии при Павле I она увидела курьера, посланного императором. «Я сидела у окна, когда он приехал. Увидав кибитку у крыльца, окруженную моими людьми, я вышла и узнала посланного от императора. Мисс Бетс тщетно расспрашивала его, какие он привез вести. Он ответил, что ничего не знает и что привез мне указ от государя. Я назвалась, и он передал мне вышеприведенное письмо. Не успела я его распечатать, как мисс Бетс бросилась на колени передо мной, восклицая: “Дорогая княгиня, и в Сибири есть Бог! Не падайте духом!” Она дрожала всем телом и была бледна как смерть» [Дашкова, 1985, с. 196].

В этом фрагменте запечатлено традиционное представление о Сибири, характерное для большинства российских жителей XVIII–XIX вв. Вплоть до построения транссибирской магистрали Бог был единственным звеном, связывающим обе части Империи. Сибирский текст этого периода развивался в основном в двух направлениях: научно-исследовательском с акцентом на экзотику природы и быта аборигенов и мифопоэтическом, где Сибирь оказывалась особым пространством,

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; shatin08@rambler.ru)

попадая в которое человек непременно должен был изменить основные параметры своего духовного существования. Соотношение травелога, экстериоризирующего сибирскую экзотику, и путешествия как средства духовного перерождения или приобретения нового духовного опыта пронизывают весь массив сибирских текстов и являются важнейшей составляющей его идейной основы.

С этой точки зрения представляется достаточно интересным рассмотреть фрагмент последнего толстовского романа, связанный с поездкой Нехлюдова в Сибирь. Следует сразу же оговорить, что в отличие от многих писателей последней четверти XIX в. Толстой не испытывал этнографического интереса к реальной Сибири. В тексте «Воскресения» городское пространство Сибири упоминается дважды: в одном случае это Томск без каких-либо коннотаций, в другом – некоторый губернский город, конечная точка путешествия Нехлюдова. Строго говоря, этот губернский город географически невозможен: он расположен на правом восточном берегу могучей сибирской реки. Все три губернских города – Красноярск, Иркутск и Якутск, как известно, находятся на левых берегах Енисея, Ангары и Лены. Губернский город, где завершилось путешествие Нехлюдова, – плод художественной фантазии Толстого. Одновременно многочисленные подробности, которыми его наделяет писатель, усиливают мифопоэтическую основу романа и имеют непосредственное отношение к теме статьи – проблеме инициации.

В интересной работе, посвященной последнему роману Толстого, петербургская исследовательница О. В. Журина отметила важную специфику в развитии мотива путешествия в позднем периоде творчества писателя. «Этапы пути героев “Воскресения” и других произведений позднего Толстого в целом соответствуют диахронической парадигме, выявленной при анализе “Исповеди”: 1) первоначальное обладание истиной (идеализация детства и юности); 2) утрата истинного направления (инерционное подчинение общему течению жизни); 3) сознание гибельности неистинного пути; 4) отчаяние; 5) поиск спасения (искушение ложными путями и разочарование в них); 6) восстановление чистого начала – своего подлинного духовного “я”» [Журина, 2003, с. 19].

Полностью солидаризируясь с моделью, предложенной О. В. Журиной, следует заметить, что сама диахроническая схема восходит к архетипическому инварианту, связанному с обрядом инициации, как он описан В. Я. Проппом и К. Леви-Строссом. Эта инвариантная схема включает четыре элемента: отлучка, испытание, лиминация и преображение. Естественно, что и сам алгоритм схемы, и его толстовский вариант представляют определенный филологический интерес.

Так, сам отъезд дается Толстым приемом контраста, сочетающего физические страдания с нравственным подъемом героя. *Жара в накаленном в продолжении целого дня солнцем и полном народе большом вагоне третьего класса была такая душная, что Нехлюдов не пошел в вагон, но остался на тормозе. Но и тут дышать нечем было* [Толстой, 1983, с. 346]. Вместе с тем: *Да, совсем новый, другой, новый мир, – думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех сторон окруженным совсем новыми людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни.*

– *«Вот он, le vrai grand monde», – думал Нехлюдов, вспоминая фразу, сказанную князем Корчагиным, и весь этот праздный, роскошный мир Корчагиных, с их ничтожными, жалкими интересами.*

И он испытал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир [Там же, с. 372].

Характерно, что указанный контраст не задается как одномоментный акт, но почти всегда подкрепляется параллельным рядом контраста. Физическое стра-

дание и нравственное очищение Нехлюдова соседствуют с одновременным путешествием Корчагиных в том же поезде, но только в вагоне первого класса. В дальнейшем таким параллельным рядом будет описание путешествия Нехлюдова и движения каторжан. *Переезд до Перми был очень тяжел для Масловой и физически и нравственно – от тесноты, нечистоты и отвратительных насекомых, которые не давали покоя, и нравственно – от столь же отвратительных мужчин, которые, так же как насекомые, хотя и переменялись с каждым этапом, везде были одинаково назойливы* [Толстой, 1983, с. 373].

Медиальное положение Нехлюдова во время путешествия: хуже, чем *grand monde*, но неизмеримо лучше, чем каторжный этап, обуславливает особую пульсацию повествования, которая позволяет Толстому искусно управлять сюжетом, то сосредоточиваясь на детально-микроскопическом анализе экзистенциальных переживаний главного героя, то расставаться с ним для того, чтобы перейти к панорамному изображению России конца позапрошлого столетия. Поэтика «Воскресения» подчинена принципу скрытого монтажа. Подобно другим мастерам классической композиции, Толстой смело играет повествовательными планами, но границы перехода от одного к другому плану наррации остаются незаметными для читателя и не требуют поэтому какой-либо метатекстуальной мотивировки. Возникает эффект самопорождения, автогенности словесной массы, свободной от фабульных перипетий. Об этом эффекте писали западные исследователи Л. Ржевский, Д. Бейли и другие, когда сравнивали мастерство Толстого с поэтикой «Доктора Живаго».

Набор испытаний, выпадающих на долю Нехлюдова, подготавливает момент лиминации, чрезвычайно важный для художественной структуры «Воскресения» и расположенный в центре 19-й главы третьей части романа. Во время ночной бессонницы, узнав о желании Масловой вступить в брак с Симонсоном, герой Толстого переходит к размышлениям о природе порока. *Только при особенном культивировании порока, как оно производится в этих гражданских учреждениях, можно было довести русского человека до того состояния, до которого он был доведен в бродягах, предвосхитивших новейшее учение Ницше и считающих все возможным и не запрещенным и распространяющих это учение сначала между арестантами, а потом между всем народом... «так зачем же они делают это?» – спрашивал себя Нехлюдов и не находил ответа* [Там же, с. 425].

Апогей нравственных страданий Нехлюдова совпадает с высшей точкой его физических страданий. *И на этих мыслях, уже после вторых петухов, несмотря на блох, которые, как только он шевелился, как фонтан, брызгали вокруг него, он заснул крепким сном* [Там же, с. 426].

Сон Нехлюдова – семантическая граница перехода от лиминации к преобразению. Как уже говорилось, губернский город, в который попадает Нехлюдов, лишен реальных географических координат. Это сакральный, волшебный город. Именно в моменте преобразования Нехлюдова Толстой максимально приближается к принципам художественного моделирования, свойственного поэтике волшебной сказки. Показательно, что приезд в этот город начинается с физического очищения и закачивается очищением нравственным. *Главное, ему нужно было очиститься от вшей, от которых он никогда не мог вполне освободиться после посещения этапов. Разложившись, он тотчас же поехал в баню, а оттуда, приведя себя в городской порядок – надев крахмаленную рубашку и со слежавшимися складками панталоны, сюртук и пальто – к начальнику края* [Там же, с. 433].

Смена одежды не только знаменует начало преобразования, но и подготавливает три важных события получения искомого средства, которым всегда награждается герой волшебной сказки. Первое событие – это получение письма о замене каторжных работ для Масловой поселением. Второе связано с освобождением героя от залога жениться на Катюше. *Что же вам тут жить и мчаться, Довольно вы*

помучались, сказала она и странно улыбнулась. – Я не мучился, а мне хорошо было, и я желал бы еще служить вам, если бы мог. – Нам, – она сказала: «нам» – и взглянула на Нехлюдова, – ничего не нужно. Вы и так сколько для меня сделали [Толстой, 1983, с. 445–446].

Наконец, третьим событием становится посещение губернаторского дома, который нарочито приобретает приметы волшебного мира. *Эта тонкая лесть и вся изящно-роскошная обстановка жизни в доме генерала сделали то, что Нехлюдов весь отдался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и приятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга, как будто все то, среди чего он жил в последнее время, был сон, от которого он проснулся к настоящей действительности* [Там же, с. 440]. Как и положено законами инициации, пробуждение освобождает нас от прошлого, которое начинает восприниматься как кошмарный сон.

Особенность поэтики Толстого заключается в том, что за поверхностными структурами реалистического повествования чаще всего прячется глубинная архетипическая схема. По справедливому замечанию К. Леви-Стросса, «любой миф или мифологическая последовательность остались бы непостижимыми, если бы каждый миф не противопоставлялся другим версиям того же самого мифа либо мифам, по видимости отличным, а каждая последовательность – другим последовательностям, логическая арматура и конкретное содержание которых, рассмотренные в мельчайших деталях, кажутся принимающими их противоположность» [Леви-Стросс, 2000, с. 47].

Именно жесткое сопротивление логической арматуры «Воскресения» глубоко спрятанной архетипической схеме инициации породило сложности в интерпретации финальных страниц толстовского романа. Известно, что одним из первых читателей, столкнувшихся с такой трудностью, стал А. П. Чехов, осудивший в письме к М. О. Меньшикову от 28 января 1900 г. последние страницы романа. «Конец у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия, – это уж очень по-богословски» [Чехов, 1980, с. 30]. В данном случае Чехов, как и его последователи, явно натурализуют особенности толстовского письма, упуская из вида возможный смысл художественной деконструкции.

В чем же заключается этот смысл? Современная семиотическая теория исходит из наличия трех измерений семиозиса: синтактики, семантики и прагматики. Обычно при интерпретации текста мы рассматриваем его как предполагаемое единство означающего и означаемого, упуская из вида третье измерение – возможность феноменологического переживания знака, придание этому знаку личностного смысла. Без такого измерения нельзя понять роль пирожного мадлены, открывающей многотомное создание Пруста. Еще ранее эту же операцию проделывает Толстой. *Он не спал всю ночь и, как это случается со многими и многими читающими Евангелие, в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные. Как губка воду, он впитывал, что открывалось ему в этой книге, и все то, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не сознавал вполне и не верил. Теперь же он сознавал и верил* [Толстой, 1983, с. 457].

В финале «Воскресения» происходит главное событие текста, предвосхищающее многие художественные открытия, совершенные романистами XX в., – исчезновение границ объективного мира и субъективного опыта. Архаическая схема инициации, державшая все повествование, взрывается на наших глазах путем введения нового способа изображения экзистенциального существования человека. Традиционный аристотелевский катарсис уступает место экстазису, т. е. выходу инициальной схемы в непредсказуемость текучего состояния жизни.

Список литературы

- Даикова Е. Записки 1743–1810. Л., 1985.
Журина О. В. Роман «Воскресение» в контексте творчества позднего Толстого: Модель мира и ее воплощение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000.
Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 13. М., 1983.
Чехов А. П. Письмо к М. О. Меньшикову от 28 января 1900 г. // Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 9.

Yu. V. Shatin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; shatin08@rambler.ru*

Nekhludov's journey to Siberia: the problem of initiation

This paper considers the role of the concept «Siberia» and its function in the Russian literature of the 19th century. The author of this paper believes that in the consciousness of Tolstoy's contemporaries the space of Siberia was perceived as «alien» to the European part of the Empire. That is why the journey beyond the Ural was regarded as a definite mode of cleansing and changing important parameters of spiritual existence coinciding in the main signs with the ceremony of initiation. Such a mythopoetics is also characteristic of the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy. During his journey the main hero passes through the main stages of initiation, coinciding with the scheme of V. Ya. Proppa – K. Levi – Strossa: absence, ordeal, limination, transformation. In the opinion of the author of the paper the finale of the «Resurrection» is conditioned sooner by the general logic of the initiation ceremony rather than by reading the evangelical text.

Keywords: Siberia, journey, initiation, mythopoetic.

DOI 10.17223/18137083/55/2